

Во дворе зелёные деревья сбросили семнадцать листьев, птицы садились на ветви шесть раз, западный ветер принёс облака с востока. Он наблюдал за окружением, записывая мелкие детали. Когда упал восемнадцатый лист, звуки воды в комнате прекратились.

Шорох одежды был даже более раздражающим, чем звуки воды.

Он не должен был оборачиваться, но всё же сделал это, глядя на потрескавшуюся стену двора. Он должен был остановиться, но снова повернулся, рассматривая мох в углу. Опустив глаза, он снова повернулся, и его тело последовало за движением, а взгляд через разбитое окно упал на комнату.

В естественном свете виднелась слегка сгорбленная спина, похожая на нефрит. След от ладони на ней стал менее заметным, скрытый чёрными волосами. Жун Лоюнь надевал тёмно-синие монашеские штаны и с трудом натягивал серо-голубую одежду, одно плечо подрагивало.

Через некоторое время он сдался и позвал:

— Ду Чжун, ты здесь?

Хо Линьфэн всё видел, но сделал вид, что не замечает:

— Что случилось, господин?

Жун Лоюнь смущённо попросил помощи:

— Помоги мне.

Хо Линьфэн вошёл в комнату, обошёл его и встал перед ним. Одной рукой он взял его за запястье, а другой поднял пустой рукав. Он помог ему надеть одежду, завязал узел на груди, а затем поправил штаны на талии.

Он разложил два носка и молча указал на край кровати.

Жун Лоюнь сел, свесив ноги, и Хо Линьфэн, присев на корточки, взял его за пятку, чтобы надеть носки. Жун Лоюнь смотрел на него сверху вниз, и его лицо, уже почти вернувшееся к нормальному цвету, снова покраснело.

Но самое смущающее было впереди. Хо Линьфэн встал и протянул ему руку.

Жун Лоюнь посмотрел на него снизу вверх:

— Что ты делаешь?

Хо Линьфэн сказал:

— Дай руку.

Жун Лоюнь был в полном замешательстве, его лицо покраснело, словно чайник, готовый закипеть. Он протянул руку, и Хо Линьфэн взял её, медленно выводя его из комнаты во двор.

Во дворе стоял таз с горячей водой и две маленькие скамейки. Хо Линьфэн собирался помыть ему волосы.

Листья продолжали падать, птицы прилетали и улетали. Жун Лоюнь сидел, поджав ноги, с

опущенной головой, его чёрные волосы свисали вниз. Горячая вода лилась на его голову, вызывая приятное покалывание по всему телу. Он, как и вода, начал «дымиться».

Хо Линьфэн держал ковш в левой руке, а правой массировал мокрую голову. Эти чёрные волосы касались его лица, и только сейчас, держа их в руках, он понял, насколько они мягкие и скользкие, как шёлк.

Закончив мытьё, Жун Лоюнь завернул волосы в полотенце, чтобы они впитали воду, и, чтобы заполнить тишину, спросил:

— Ты умеешь заплетать волосы?

Хо Линьфэн вытирал руки:

— Господин, не стоит заходить слишком далеко.

Маленький монах, принёсший одежду, снова появился, запыхавшись, с двумя мисками вегетарианской еды. Он давно не видел таких длинных волос и вызвался заплести Жун Лоюню косу, как это делают мирские ученики.

Как только монах ушёл, Хо Линьфэн взял миску с едой, раздумывая, стоит ли кормить этого «однорукого героя». Жун Лоюнь смотрел на миску, где лежали овощи и тофу, и тихо пробормотал:

— Ду Чжун, я хочу мяса.

Хо Линьфэн был в отчаянии. Он видел принцесс в Чанъане, но ни одна из них не была такой привередливой. Главное, что после таких слов у него самого разыгрался аппетит, и ему тоже захотелось чего-нибудь мясного.

Через час из трубы поднялся дымок.

В тишине Чаньского двора Жун Лоюнь читал сутры, прося у Будды прощения, а Хо Линьфэн отправился в горы, чтобы добыть дичь. Когда мясо было готово, они закрыли двери и окна и тайком ели в маленькой кухне.

Сидя на скамейках друг напротив друга, они держали в руках жареные ножки кролика, облизывая пальцы.

Жун Лоюнь держал мясо правой рукой, левая была бесполезной, его тонкие губы блестели от жира. Он с наслаждением ел, забывая о боли и печалях, как вдруг капля жира стекала с уголка его рта, зависнув на подбородке.

В этот момент Хо Линьфэн поднял глаза, посмотрел на него и протянул руку. Его ладонь коснулась щеки, а палец аккуратно стёр каплю жира.

Затем он убрал руку и, с лёгким звуком, облизал палец.

Жун Лоюнь замер. Перед его глазами всплыли сцены из Башни Чжаому. Гости намеренно проливали вино, красавицы вытирали его пальцами и облизывали, а затем их губы встречались в поцелуе.

Он смущённо опустил голову, его разум был в смятении.

Не зная, что делать, он вдруг прошептал:

— Амитабха.

— Пощадите, герой, пощадите! — Цзя Яньси плакал, умоляя о пощаде.

Этот чиновник выглядел крайне жалко: рана на плече не зажила, кровь запачкала его роскошную одежду, ноги были сломаны, и боль затуманивала его зрение. Он провёл день в сарае монастыря, не имея возможности сбежать, и сложил руки в молитве, надеясь на спасение.

Но на закате появился Хо Линьфэн с верёвкой в руках, видимо, чтобы покончить с ним.

Хо Линьфэн связал его и потащил в горы, как скот, чтобы допросить ночью. Четыреста ступеней заняли немало времени, и Цзя Яньси, перестав плакать, вытер лицо и сказал:

— Герой, я племянник нынешнего премьер-министра, племянник Чэнь Жоинь!

Хо Линьфэн просто кивнул. Он ведь был младшим братом генерала, охранявшего границы.

— Герой, послушай меня. — Цзя Яньси схватил его за одежду. — Если ты отпустишь меня, деньги тебе обеспечены, и я сделаю тебя чиновником!

Хо Линьфэн спросил:

— Каким чиновником?

Цзя Яньси сказал:

— Ты сильный воин, ты достоин быть генералом.

Он ухватился за эту возможность.

— Я представлю тебя премьер-министру, и тогда тебе не придётся жить в нищете. Кому тогда будут нужны эти Хо?

— Хо? — Хо Линьфэн поднял бровь.

Цзя Яньси продолжил:

— Маркиз Динбэй, конечно. Падение семьи Хо — это лишь вопрос времени. Лучше держаться за премьер-министра.

Хо Линьфэн нахмурился. Падение семьи Хо — это было дело рук премьер-министра или императора, который боялся их власти? Он поднялся по ступеням, глядя на закат, где красный свет переходил в темноту, как прекрасное мгновение, сменяющееся тьмой.

Он крепко затянул верёвку и продолжил тащить этого подлеца в гору.

На вершине, у Чаньского двора, на низком дереве висел фонарь, излучающий слабый свет. В комнате за столом Жун Лююнь увлечённо читал сутры, услышав звуки, он остановился, налил воды и продолжил чтение.

Вскоре Хо Линьфэн привёл Цзя Яньси и, войдя, первым делом попросил воды.

— Господин, он во дворе.

На столе уже стояла миска с водой, он выпил её залпом.

— Этот тип тяжелый, я тащил его, как будто нёс тебя, и совсем выбился из сил.

Жун Лоюнь молча перелистывал страницы, украдкой взглянув на Хо Линьфэна, который был весь в поту.

Хо Линьфэн вдруг спросил:

— Господин, как ты хочешь его допросить?

Жун Лоюнь задумался. Допрос и пытки неизбежны, но в святом месте монастыря шум может потревожить монахов внизу. Видя его колебания, Хо Линьфэн забрал у него сутры и задул свечу.

Комната погрузилась в темноту. Жун Лоюнь не успел спросить, что происходит, как его левая рука была взята. Осторожно, чтобы не причинить боли, его подняли и медленно подвели к двери.

Хо Линьфэн закрыл дверь, и в этой темноте двор снаружи казался ярким. Он обнял Жун Лоюня со спины, медленно подводя его к себе, и тихо сказал:

— Господин, смотри наружу.

Через щели в двери они могли видеть двор, где фонарь качался на ветру, птицы сидели на ветвях, а Цзя Яньси, сидя на земле, подозрительно оглядывался.

Небо почернело, и знакомый звук шагов раздался в тишине.

Стая диких собак возвращалась домой, одни тяжело дышали, другие несли в зубах дичь.

Увидев свет и людей, они начали лаять так громко, что казалось, земля дрожит. Десяток чёрно-коричневых собак ворвались во двор, прыгая и оскаливая зубы.

Цзя Яньси широко раскрыл глаза, дрожа от страха. Даже Жун Лоюнь, наблюдая через окно, не мог сдержать дрожь.

Хо Линьфэн, чувствуя это, крепче обнял его, якобы насмехаясь, но на самом деле успокаивая:

— Говорят, господин, ты умеешь укрощать диких кошек, почему же боишься собак?

Жун Лоюнь ответил:

— Может, из-за раны, я не так бесстрашен, как обычно.

Хо Линьфэн сказал:

— Не бойся, я с тобой.

Эти слова, как камень, брошенный в воду, нарушили покой Жун Лоюня. Он вспомнил последние два дня: Хо Линьфэн спас его, пожертвовал своей энергией, чтобы вылечить его, помог одеться, помыл волосы, приготовил мясо — даже мелочи он сделал сам.

Среди учеников Дворца Буфань, старых и новых, живых и мёртвых, никто не мог сравниться с ним. Он задумался на мгновение, затем повернулся и спросил:

— Ду Чжун, почему ты...

Но его лицо закрыла рука.

Снаружи раздался душераздирающий крик. Собаки напали на Цзя Яньси, готовые растерзать его.

Хо Линьфэн вдруг почувствовал себя глупо. Этот человек убивал без счёта, зачем он закрывает ему глаза? Он убрал руку, и свет, проникающий через щель, упал на его глаза, в которых была тень печали.

Жун Лоюнь, словно угадав, спросил:

— Ты думаешь, я плохой?

<http://bllate.org/book/16167/1449233>